

Федоровичъ Келлеръ, въ золотыхъ очкахъ на круглыхъ глазахъ, съ цвѣтущимъ видомъ, ѣхалъ верхомъ и, не сумѣвъ перепрыгнуть канаву, свалился съ лошади, но совершенно благополучно. Когда все ахнули, а у молодежи вырвался невольный смѣхъ, Левъ Николаевичъ, сидя на каткахъ, въ одно мгновеніе произнесъ:

Для Келлера Густава  
Не писано устава,  
Лишь вырыта канава.

Пріѣхавши на мѣсто, мы перезнакомились съ вновь прибывшими гостями, послѣ чего Левъ Николаевичъ заставилъ старыхъ и молодыхъ взбираться на стогъ сѣна и, когда все были наверху, устроилъ тріо:

«И ключъ на камешкахъ течетъ».

Потомъ хоровое пѣніе «Во лузяхъ», и самъ участвовалъ въ хорѣ.

Пѣніе выходило прекрасно. Пѣсни наши такъ и лились по воздуху, а еще болѣе лилось общее веселье. Казалось, что такіе серьезные люди, какъ Марковъ и Ауэрбахъ, съ которыми Левъ Николаевичъ обыкновенно велъ бесѣды о педагогійи и школахъ, совсѣмъ теперь преобразились; все слилось въ одно общее оживленіе, въ которомъ Левъ Николаевичъ, своимъ остроуміемъ и запасомъ жизненности, былъ запѣвалой.

Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я помню еще этотъ чудный тихій вечеръ съ кра-